

Лия ЖДАНОВА

ПУТЬ ПОВЕСТИ ДЖОНА СТЕЙНБЕКА «ЛУНА ЗАШЛА» К СОВЕТСКОЙ СЦЕНЕ

В конце 1939 – первой половине 1940 гг. немецкие войска, следуя тактике молниеносной войны – «блицкрига», в течение нескольких месяцев присоединили Польшу, Данию, Норвегию, Нидерланды, подготовили кампанию по захвату Франции. Весной 1940 г. Джон Стейнбек, гражданин страны, находящейся предельно далеко от театра боевых действий, отправился в Мексику для работы над киносценарием «Забывтая деревня», где неожиданно столкнулся с набиравшим обороты механизмом нацистской пропаганды: газеты печатали восторженные статьи об экономическом чуде, «новом порядке» Гитлера в завоеванных странах, на улицах встречалась свастика. Встревоженный таким положением дел Стейнбек в письме к своему родственнику Дж. Гамильтону сообщает: «Немцы абсолютно превзошли союзников в плане пропаганды. Если это продолжится, они окончательно отобьют Центральную и Южную Америку у Соединенных Штатов»¹.

Так Стейнбек еще в 1940 г. увидел своими глазами и осознал, что война, угроза нацистского вторжения не просто реальна, но очень близка: она придвинулась буквально к границам Америки. Поэтому из Мексики писатель едет в Вашингтон, где добивается аудиенции у Ф. Рузвельта и говорит с президентом о своих опасениях; а в октябре 1941 г. после одного из заседаний Службы иностранной информации (агентства, входившего в государственное Управление стратегических служб, чьей задачей как раз была борьба с нацистской пропагандой в Америке и за рубежом) Стейнбек принимается за написание повести о вооруженном захвате небольшого североамериканского города – «Луна зашла» («*The Moon is Down*»).

Дж. Стейнбек

«Луна зашла», повествовавшая об «эпической борьбе народов девятнадцати оккупированных стран Европы»², стала первой книгой Стейнбека, посвященной теме войны с нацизмом; примечательно, что она показывала ситуацию «в двойном освещении» – с точки зрения как жертв, так и оккупантов. При этом, согласно первоначальному замыслу, действие книги должно было разворачиваться в США: Стейнбек полагал, что таким образом он, во-первых, мог бы описать события с большей достоверностью, «как если бы они произошли здесь», и во-вторых, сильнее воздействовать на читателей: «пробудить ото сна Америку и внушить ей симпатию к людям, в это самое время переживающим оккупацию за рубежом»³.

Однако Служба иностранной информации отвергла это авторское решение, посчитав, что оно может деморализовать население страны. В результате Стейнбек переносит место действия в Европу, не называя ни страну-агрессора, ни оккупированную страну и тем самым предельно обобщая повествование.

Окончательный вариант повести «Луна зашла» появился на книжных прилавках Америки в марте 1942 г., вскоре после нападения на Перл-Харбор, и тотчас же вызвал большой интерес у читающей публики. Однако, несмотря на ажиотаж вокруг книги, американскими критиками «Луна зашла» была принята весьма прохладно: автору ставили в вину и отход от реалистической манеры письма, и слишком мягкое, человеческое изображение захватчиков, что сильно нивелировало агитационный запал книги⁴. К примеру, Клифтон Фадиман пишет в журнале «*New Yorker*», что задачи пропаганды в 1942 г. требуют никак не объективного изображения немцев: «Немцев надо изображать, как людей, которые ничем не могут искупить свои грехи, иначе мы можем утратить волю бороться с ними»⁵. Фадиману вторит Луис Буденц из «*Sunday Worker*» (5 апреля 1942 г.): «Изображать немецкого офицера как погруженное в самозерцание расслабленное существо, а именно это и делает Стейнбек, – значит просто давать картину, не соответствующую действительности»⁶.

В то же время у произведения Стейнбека нашлось немало защитников, среди которых были известные писатели и журналисты – Эптон Синклер, Лион Фейхтвангер, Перл Бак, Дороти Томпсон, Льюис Геннет, Джон Чемберлен, Брукс Аткинсон и др. В полемику с Фадиманом вступил Джон Чемберлен («*New York Times*», 9 мая 1942 г.), который заявил, что искажение сути вещей во имя пропаганды недопустимо, что лозунг «слова – это оружие» по сути своей – нацистский лозунг⁷. Лион Фейхтвангер в своем письме в редакцию журнала «*New Masses*» (19 мая 1942 г.) отвечает журналистам, роптавшим на недостаточно реалистическое изображение немцев в книге Стейнбека: «Изобрази Стейнбек, как требуют его критики, зверинец с дикими зверями, он, быть может, и достиг бы на время эффекта, но

книга его была бы всего лишь одной из уже существующих тысячи одной книги»⁸. Такого же мнения придерживалась Дороти Томпсон («*New York Post*», 15 мая 1942 г.), статья которой, по словам референта Иностранной комиссии Союза писателей СССР, «обошла всю американскую прессу»: «На мой взгляд, драма Стейнбека чрезвычайно сильна именно тем, что она не нападает на нацистов. Она является нападением на нацизм. В глубоко человеческой трагедии Стейнбека жертвами нацизма являются все, и побежденные и победители»⁹.

Тем не менее в результате этой полемики в Америке все же утвердилось критическое отношение к повести Стейнбека как к произведению, слабому в художественном плане и несостоятельному в качестве пропаганды. Столь же фатальная судьба ждала постановку этой повести, осуществленную режиссером Оскаром Серлином и шедшую одновременно в нескольких бродвейских театрах. Премьера пьесы состоялась 8 апреля, и первое время, несмотря на критику, спектакли шли в переполненных залах – что очень удивляло самого автора¹⁰. Но уже 19 мая 1942 г. «*The New York Times*» опубликовала сообщение о снятии пьесы после 55 спектаклей со сцены нью-йоркских театров по причине малых сборов. Режиссер обвинил в провале постановки обрушившихся на пьесу критиков¹¹.

В СССР книгу Стейнбека ждала еще более интересная судьба. Прежде чем советский читатель узнал о ее существовании, история издания и критические баталии в США вокруг повести / пьесы «Луна зашла» были проанализированы в Иностранной комиссии Союза советских писателей и в редакции журнала «Интернациональная литература». В своих отчетах советские референты выделяли основные тезисы американских статей, общее направление их полемики, а также от руки подчеркивали близкие, отвечавшие их собственному мнению о книге мысли¹². А в конце 1942 г. повесть была переведена на русский язык и уже в 1943 г. после публикации в журналах «Огонек»¹³ и «Знамя»¹⁴ стала известна широкой публике.

Автор предисловия к американскому изданию книги Дональд В. Коерс отмечает, что,

«несмотря на фактически единодушное неприятие повести советскими критиками, «Луна зашла» стала самой известной американской книгой в СССР военного периода»¹⁵. На самом деле отношение советской литературной критики к книге Стейнбека было двойственным: с одной стороны, высказываются претензии, практически полностью совпадающие с мнением критиков Стейнбека в США – Фадимана, Буденца, Голда и др. Так, Е.Ф. Книпович в программной статье, вышедшей в журнале «Знамя» (1943) фактически повторяет слова американских коллег о несоответствии повести задачам пропаганды. Книпович полагает, что в повести враг изображен менее опасным, чем он есть на самом деле: «Его разложение, внутреннее банкротство достигается слишком легко. В действительности дело победы над фашизмом потребует еще много усилий и жертв ото всех свободолюбивых народов мира. <...> У фашистов есть не только овечий хвост, который трясется в дни поражений, у них есть пока и волчьи клыки, которые способны рвать и терзать в дни временных успехов»¹⁶.

С другой стороны, в статьях советских авторов военного периода присутствует стремление включить Стейнбека с его повестью в ряд дружественных СССР писателей-антифашистов. В той же статье Книпович заключает: «Стейнбек прав, утверждая своей книгой, что крах власти оккупантов неизбежен, что единственной неотвратимой судьбой гитлеровских преступников будет народная месть»¹⁷. Что примечательно, в своем черновике она продолжает (в журнальной версии эта фраза будет выпущена): «Но книга его написана, по нашим сегодняшним понятиям, давно и вдали от центра военных событий»¹⁸. Здесь положительная оценка произведения американского автора обусловлена чувством превосходства, характерным для советского критика – представителя передовой страны, и потому претендовавшего на роль третейского судьи или даже наставника зарубежных авторов, нуждающихся в совете и руководстве.

Почти сразу после публикации журнального варианта книги начались попытки поставить произведение Стейнбека на советской сцене.

Всего в 1943–1948 гг. было не менее шести попыток инсценировать повесть Стейнбека, однако только три из них смогли пройти цензуру ГУРКа (Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром) и получить разрешение на постановку – «Луна зашла» Л. Лемперта (1943), «Долг мэра Оурдэна» К. Розова (1944) и «Побежденные побеждают» А. Бородина (1944).

Главные вопросы, которые должны были решить для себя советские драматурги при переложении повести Стейнбека для сцены, – какова будет степень адаптации пьесы к советской действительности? Как приблизить пьесу «к центру военных событий», к войне, которую ведет советский народ? Как добиться того, чтобы пьеса не «деморализовала» зрителя (именно в этом упрекали Стейнбека и наши, и американские критики), но, напротив, способствовала боевому настрою советского зрителя, была ему близка и понятна, но и не внушала при этом ложного оптимизма?

Именно эти проблемы акцентируются в протоколах и отзывах сотрудников ГУРКа, решавших судьбу первой инсценировки книги «Луна зашла» Л. Лемперта. Всего этой пьесе довелось побывать в руках у трех рецензентов. Первый – заместитель начальника Главного управления по театрам (ГУТ) – О.Н. Олидор¹⁹ вынесла отрицательное решение в отношении пьесы²⁰, в результате чего автор инсценировки Л. Лемперт был вынужден обратиться к председателю Комитета по делам искусств М.Б. Храпченко²¹ с просьбой «лично ознакомиться с пьесой или же передать ее на рассмотрение еще одному авторитетному лицу». М. Храпченко отправляет пьесу в ГУРК, где она была рассмотрена еще двумя политредакторами: Р. Ольшевец и Б. Росточким²².

Р. Ольшевец, отмечая в своем отзыве некоторые положительные черты пьесы (единство мэра Оурдена с народом и изображение народной борьбы с оккупантами), в целом оценивает ее резко отрицательно. Она подвергает критике как идейную сторону (в первую очередь трактовку образов завоевателей как «несчастливых и обманутых», которую она находит «неверной и неприемлемой»), так и ее драматургическое

своеобразие: «Здесь нет ни крепкого сюжета, ни ярко очерченных характеров, а образы людей из народа просто расплывчаты»²³. Однако без знакомства с оригинальным текстом она не решается пропустить или запретить эту пьесу по следующим причинам:

1. Стейнбек – американский писатель-антифашист, друг Советского Союза. Это заставляет быть особенно внимательным к его произведениям.

2. Неизвестно, в какой степени усугублены недостатки романа инсценировкой его²⁴.

Третий рецензент Б. Ростоцкий, ознакомившись с материалами дела, пишет подробный, обстоятельный отзыв с разбором обоих произведений – как оригинальной повести Дж. Стейнбека, так и пьесы Л. Лемперта. В первую очередь он объясняет драматургическое своеобразие, «рыхлость пьесы» особенностями оригинала – повести Стейнбека: критик «должен адресовать свои претензии не Лемперту, а уж только непосредственно Стейнбеку»²⁵. Во-вторых, он категорически не соглашается с той оценкой, которую дали предыдущие рецензенты изображению в повести / пьесе оккупантов: «В индивидуальных портретах выведенных им офицеров-завоевателей Стейнбек, конечно, не раскрыл того специфического идейного и морального маразма, которым отмечены гитлеровцы. Но <...> образ фашистской армии в целом дан в романе (и в инсценировке) в основном верно и точно. Оккупанты действуют в пьесе как беспощадные, жестокие, циничные проводники пресловутой политики “железа и крови”. Они именно грабят, убивают и насилюют (приведенная выше претензия тов. Ольшевец на сей счет совершенно непонятна), а в промежутках скулят по поводу тех “беспокойств”, которые им доставляют “завоеванные”. Очевидно, этот скулеж и показался противникам пьесы способным вызвать сочувствие к завоевателям. Но такое восприятие чисто субъективно, и делать за него ответственным автора не приходится»²⁶.

Сам рецензент не закрывает глаза на некоторые спорные черты оригинала, например, он пишет, что «изображение врага несомненно страдает у Стейнбека излишним объективизмом,

который, конечно, не желателен на советской сцене»²⁷. Вместе с тем Ростоцкий считает, что недостатки, во-первых, не столь значимы по сравнению с художественным качеством произведения Стейнбека, а во-вторых, преодолимы путем небольшой доработки, начало которой уже положено в пьесе Лемперта и может быть продолжено в самих театрах. В общей сложности он дает высокую оценку работе Лемперта и выносит положительное решение, подписанное начальником ГУРКа Б. Мочалиным²⁸: «Разрешить к работе при условии внесения указанных в протоколе изменений с купюрами»²⁹.

Это расхождение во мнениях на счет книги Стейнбека двух советских рецензентов тем более показательное, что вполне отвечает духу имевшей место ранее полемики американских критиков: Р. Ольшевец является продолжательницей линии К. Фадимана, Дж. Тербера, М. Голда, а Б. Ростоцкий – линии П. Бак, Д. Томпсон, Л. Фейхтвангера и других защитников Стейнбека. Однако если в США дискуссия вокруг книги Стейнбека разворачивалась на страницах крупных изданий и послужила сначала катализатором читательского и зрительского интереса, а после привела к «дискредитации» произведения, то в СССР дебаты шли в закулисье, в недрах властных и литературных институций, а окончательное решение принимал один человек, занимавший верхний пост в иерархической лестнице, – в данном случае Б. Мочалин, который, в сущности, санкционировал появление этой и последующих пьес по книге Стейнбека.

Вторая инсценировка – драма в четырех частях «Непокоренные» П. Мелибеева³⁰ появилась в ГУРКе в сентябре того же 1943 г. Б. Ростоцкий посвящает ей краткий отзыв, в котором пишет, что находит пьесу П. Мелибеева по своим идейным и художественным качествам значительно более слабой, чем пьеса Л. Лемперта, и потому считает ее включение в репертуар «нецелесообразным»³¹. Тем не менее Б. Мочалин дает разрешение к работе над пьесой П. Мелибеева «Непокоренные» Ставропольскому областному театру.

Следующая инсценировка К. Розова под названием «Долг господина Оурдэна» появилась

только в феврале 1944 года. Ее главным достоинством Б. Ростоцкий считает лаконичность: автор передает содержание оригинальной книги, не добавляя ничего лишнего. Кроме того, как отмечает рецензент, «этот лаконизм способствует тому, что пьеса может быть разрешена при условии внесения сравнительно небольшого числа купюр»³². Предложенная им правка напрямую затрагивала оригинальный сюжет и касалась устранения «излишнего объективизма Стейнбека» в изображении захватнической армии. Так, корректуре подверглось несколько эпизодов с участием наиболее сомнительного персонажа – «погруженного в самосозерцание» лейтенанта Тондера: оказались купированы самые эмоциональные строки, в которых содержались его сесования на жизнь, его сомнения в адекватности действий фюрера, его желание покончить с войной и вернуться домой, а также примечательный монолог, в котором Тондер сравнивал положение своей армии с «мухами, завоевавшими липкую бумагу»³³. Также был вычеркнут детально прописанный К. Розовым эпизод ухаживания лейтенанта за Молли Морден, в котором он цитирует любовную лирику Гейне и произносит: «У нас осталось какое-то право на жизнь среди всех этих убийств»³⁴. Подобное «объективистское»³⁵ стейнбековское изображение немецкого офицера не только как оккупанта, но и как человека с его слабостями и страстями, желанием жить и любить, в СССР в 1944 г. было немыслимо и недопустимо и даже могло показаться кощунственным.

Все эти сценарии советских драматургов прямо следовали стейнбековскому оригиналу с минимальными изменениями, что положительно отмечалось цензорами ГУРКа. Зато появившаяся в ГУРКе в ноябре 1943 г. пьеса А. Ирошникова «Луна зашла» является ярким примером отступления от этого правила. Автор инсценировки не стал считаться со стейнбековской установкой на условность места и времени, прямо указав, что события пьесы происходят в Норвегии, а захватчиками являются немцы, фашисты. В соответствии с этим было изменено время действия (захват города происходит в апреле, а не осенью, как у Стейнбека) и введен целый ряд

красноречивых деталей: в гостиной мэра появляется эстамп с бюстом Ибсена, в окне, сквозь дымку тумана, оказываются «видны далекие прибрежные скалы, омываемые синими водами фиарда»³⁶, а в качестве лейтмотива на протяжении всего действия должна звучать мелодия Э. Грига из сюиты «Пер Гюнт».

Б. Ростоцкий отметил в своем отзыве, что «автор взял некоторые ситуации и образы из романа Стейнбека “Луна зашла” и по своему перекроил их, совершенно не считаясь с логикой их развития в первоисточнике»³⁷. Так, например, в пьесе Ирошникова любви Молли Морден добивается не лейтенант Тондер, а местный предатель Корелл, которого драматург в списке действующих лиц называет «квислингвом». Кроме того, в пьесе отсутствуют основные женские персонажи пьесы – Мадам, Анни – и большинство офицеров вражеской армии (майор Хантер, лейтенанты Тондер, Пракл и другие). Вместо жены мэра в постановке фигурирует его приемная дочь – Хэдда (отсутствовала в оригинале), а выразителем сомнений и отчаяния в рядах оккупационной армии вместо исчезнувшего Тондера стал капитан Лофт, самый хладнокровный и педантичный персонаж Стейнбека. Как отмечает Б. Ростоцкий, «тов. Ирошников попытался передать содержание романа Стейнбека в поистине телеграфном стиле, уместив его всего на 20 страницах. Попытка эта, конечно, не увенчалась успехом»³⁸.

Другой драматург – А. Бородин – в 1944 г. представил ГУРКу сразу две пьесы по мотивам повести «Луна зашла». Первая, под названием «Мухи завоевывают липкую бумагу» (апрель 1944 г.), представляла собой драматический этюд – инсценировку одной из глав повести и предварялась обширным предисловием, содержащим пересказ и оценку книги Стейнбека. В конце предисловия А. Бородин так суммировал основной смысл и ценность произведения: «Растерянность, стихийная ненависть и, наконец, организованное сопротивление – вот те три этапа, по которым проходит в повести Стейнбека пробуждающееся сознание завоеванного маленького народа. Глубокая вера автора в неисчерпаемую силу народного духа – яркая черта повести, которая

сближает ее с «Гроздьями гнева»³⁹. Сам драматург выбрал для инсценировки всего один эпизод книги – свидание лейтенанта Тондера с Молли Морден, по всей видимости, считая его стержневым для понимания всего произведения, поскольку в нем местная девушка проходит один за другим все три обозначенных автором этапа: растерянность при встрече с молодым лейтенантом оккупационной армии, постепенное пробуждение и рост ненависти к врагу, причастному к расстрелу ее мужа, и, наконец, убийство Тондера.

Тем не менее рецензент Б. Росточкин назвал выбор фрагмента крайне неудачным, не передающим всего масштаба произведения Стейнбека. Росточкин отметил, в частности, что при чтении данной инсценировки не знакомому с оригиналом человеку останется «неясным даже тот важнейший драматический момент, что Тондер является непосредственным убийцей мужа Молли». Заключение цензора было отрицательным: «Совершенно нецелесообразно вводить в действующий репертуар эту малоудачную инсценировку»⁴⁰.

Однако еще до написания этюда «Мухи завоевывают липкую бумагу» в январе 1944 г. А. Бородин направил на суд ГУРКа другую инсценировку книги Стейнбека – драму в четырех частях «Побежденные побеждают». Об этой работе Росточкин отзывался положительно, отмечая, что драматург «сохраняет своеобразие повествовательной манеры американского автора и вместе с тем удачно усиливает некоторые важные мотивы (прежде всего, мотив активного сопротивления захватчикам), тактично и умело вводя некоторые дополнительные детали (например, короткая, но выразительная сцена в забое угольной шахты – 2-я картина)»⁴¹.

Если в оригинальном произведении Стейнбека основополагающую идею «народной власти» воплощал мэр Оурден, который был не столько правителем города, сколько «рупором народа» («Мэр – это идея, родившаяся в мозгу свободных людей»⁴²), то в пьесе Бородина вместо «рупора» на сцену выступает сам народ – простые шахтеры, держащие в руках мотыгу и испачканные землей: Ларре, дедушка Ольсен, Джек Андерс и Алекс Морден. Несмотря на то

что они появляются всего в нескольких сценах, их образы тщательно прописаны, наделены выразительными речевыми характеристиками и весьма типичны для советских пьес. У Бородина именно на них завязаны все ключевые эпизоды инсценировки: они разрабатывают идею активного сопротивления захватчикам, они вдохновляют мэра на героическую смерть и дают обещание отомстить за него и, наконец, именно они, собирая сброшенный самолетами союзников динамит, обсуждают победы Красной армии над общим врагом:

«ДЕДУШКА ОЛЬСЕН. Так ты говоришь, русские продолжают наступать?»

ЛАРРЕ. Да и как наступать! Они не наступают – они гонят.

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН /усмехнувшись/. Это непобедимые увязнут в русских просторах. Их конец начинается. /Пауза/.

ЛАРРЕ. Знаете, дедушка Ольсен, – иной раз, когда я вот так ночью прислушиваюсь к тишине, мне кажется – мое ухо способно за тысячи километров уловить звуки русских пушек. Это так близко к сердцу.

ДЕДУШКА ОЛЬСЕН. Мне очень понятно, то что ты говоришь, Ларре. Это великая страна, там на востоке... Она очень далеко от нас и все же она где то вот здесь, возле нас. И там – в Европе, в Америке... всюду. /Помолчал/. Нам многому нужно у них поучиться»⁴³.

Бородин в своей пьесе не изменяет сколько-нибудь существенно ни одного эпизода и не умаляет основной идеи и пафоса произведения Стейнбека, но путем внедрения персонажей «из народа» делает эту идею привычнее и понятнее советским людям.

В целом, говоря об инсценировках военного периода и особенно о тех, что получили разрешение ГУРКа на постановку в столичных театрах, нужно отметить их близость оригиналу, что свидетельствует об уважении к стейнбековскому замыслу и общности представлений о том, каким должно быть пропагандистское произведение военного времени. Добавления авторов и купюры редакторов ГУРКа касались деталей и ни в коей мере не затрагивали главного в повести – призыва к борьбе против нацизма, против его захватнической политики.

Одна из особенностей пропагандистских сочинений заключается в том, что они быстро теряют свою популярность после изменения политической ситуации, которая и обусловила их появление. Такая судьба постигла многие советские и западные антифашистские произведения – после мая 1945 г. они оказались забыты.

Однако сочинение Стейнбека ждала иная и весьма необычная судьба. В 1948 г. в СССР появляется еще одна инсценировка по книге американского автора – «Господин мэр» И.Л. Прута. В архивах не сохранилось никаких документов, отзывов и даже свидетельств о ее прочтении сотрудниками ГУРКа, тем не менее само содержание пьесы настолько примечательно, что требует отдельного рассмотрения.

За три года, прошедшие после окончания Второй мировой войны, политическая ситуация в мире изменилась на сто восемьдесят градусов. Недавние союзники стали непримиримыми врагами: началась новая, холодная война. В СССР набирает обороты массированная кампания антиамериканской пропаганды, к которой активно привлекаются и литературные институции⁴⁴.

В пьесе И. Прута речь идет вовсе не о Второй мировой войне. Время действия здесь – «ближайшее будущее», место действия – некая европейская «нейтральная страна». Действие начинается в «доме Оурдэна, мэра небольшого прибрежного шахтерского городка»⁴⁵. Пьеса построена на эффекте узнавания и осознания жителями города причин оккупации. Напряженность возникает с самых первых строк: оказывается, город захвачен, причем захватчики войска некой дружественной союзнической державы. Это загадочное событие обсуждают Сарра (жена Оурдэна) и Роза (доктор Винтер):

«РОЗА: Что случилось? Я работала в библиотеке. Вдруг выстрелы... Объясните, ради бога, дорогая Сарра!

САРРА: А что же, Роза, объяснять? В городе – иностранные войска.

РОЗА: Почему? Ведь у нас договор о дружбе...

САРРА: Мы не знаем»⁴⁶.

Далее, Роза и мэр Оурдэн также пытаются найти объяснение этому странному

происшествию – «негласному» захвату, в котором бывшие союзники вторгаются в мирный город:

«РОЗА: ...Ведь никто не объявлял нам войны, правда?

ОУРДЭН: Да! Хотя наци напали на нас... тоже внезапно.

САРРА: Но то были наци... Их сумасшедший фюрер... а эти всегда говорили, что они наши друзья... Право не соображу: как поступить в данном случае»⁴⁷.

Только появление на сцене самих захватчиков – офицеров американской армии – приносит с собой разгадку. Полковник Лансер сообщает, что они прибыли в этот город по приглашению правительства страны и их цель – не милитаристская, а экономическая – вывоз угля в Западную Германию, и жители города обязаны этому содействовать. Также выясняется, что вопреки давлению правительства, мэр Оурдэн предпочел честное и выгодное для горожан сотрудничество с русскими, а не с американцами, и вот тогда-то в город в «усмирительных целях» и были брошены американские войска.

Майор Хантер «популярно» объясняет впадшему в отчаяние Тондеру истинную цель вторжения: «Послушайте, лейтенант: нашими деньгами пользуются многие правительства; ряд стран зависит от нас; почти без крови – дешевыми товарами, отбросами с нашего стола, подкупом, угрозой – мы завоевали почти полмира! Должны же мы теперь навести порядок»⁴⁸.

Однако жители города отказываются смириться со своим подневольным положением и оказывают сопротивление захватчикам. И в этом им помогает некая «третья сила», отсутствующая не только у Стейнбека в оригинале, но и в других советских инсценировках: группа «красных» под предводительством Нильсена, сумевшего в ходе оккупации выскользнуть из лап захватчиков и покинуть город. Нильсен и его сторонники – внесценические персонажи, о которых тем не менее постоянно упоминается, как о некоей невидимой, всемогущей и постоянно сопутствующей героям силе: многие шахтеры бегут в горы, образуя группы сопротивления, а Джозеф, дворецкий мэра, становится командиром отряда у Нильсена. Именно

«красные» выступают против агрессоров и консолидируют вокруг себя весь народ – от шахтеров и кухарки Энни до доктора Винтера и мэра Оурдена.

Парадоксально, но созданное в 1942 г. в поддержку «народов девятнадцати оккупированных стран Европы» произведение американского автора Джона Стейнбека, писавшего в своей телеграмме Ф. Рузвельту о героизме Красной армии, которая «свыше года выносила и все еще выносит основной удар нацистской военной машины»⁴⁹, теперь послужило материалом для антиамериканской пьесы И. Прута, направленной против бывших союзников. Подобная трансформация могла произойти только в ситуации, которую сам Стейнбек, побывавший в СССР в самом начале холодной войны, в 1947 г., выразительно описал в своем «Русском дневнике» (1948): «Мы обнаружили, что тысячи людей страдают острым московитисом – состоянием, при котором человек готов поверить в любой абсурд, отбросив очевидные факты. Со временем, конечно, мы убедились, что русские, в свою очередь больны вашингтонитисом, аналогичным заболеванием. Мы обнаружили, что в то время, как мы изображаем русских с хвостами и рогами, русские точно так же изображают нас»⁵⁰. Однако писатель не знал, что для подобного изображения его соотечественников может использоваться его собственное произведение.

Книга Стейнбека, в которой принципиально отсутствовали конкретные национальные характеристики оккупантов и их жертв, отличалась от других пропагандистских произведений как американской, так и советской литературы тем, что ее автор, избегая вопроса «кто?», сосредоточился на вопросе «почему?», ответ на который ищут все персонажи – от мэра Оурдена до полковника Лансера и лейтенанта Тондера. Именно в силу этой особенности произведение Стейнбека «Луна зашла» после разгрома нацизма смогло послужить целям антиамериканской пропаганды.

Однако накал холодной войны постепенно спадал, и после карибского кризиса в 1960-е годы, в период потепления в советско-американских отношениях, была создана программа

«культурных обменов» между США и СССР. В рамках одного из таких обменов в 1963 году СССР уже в третий раз посетил автор повести «Луна зашла» Джон Стейнбек, ставший к тому времени всемирно известным писателем, лауреатом Нобелевской премии. К его приезду Малый театр поставил на своей сцене пьесу «Луна зашла» – перевод английского оригинала с Михаилом Жаровым в главной роли. Стейнбек, по всей видимости, присутствовал на репетиции этой пьесы. В Малом театре стейнбековская «Луна зашла» шла в течение целого года, пока Стейнбек не обронил в печати нелицеприятную фразу по отношению к Советскому Союзу⁵¹, на что последовала немедленная реакция в духе холодной войны – и не просто играть этот спектакль, но даже упоминать о нем было запрещено.

¹ Steinbeck: *A Life in Letters* / Ed. by Elaine Steinbeck and Robert Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 205.

² Джон Стейнбек требует открытия второго фронта // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 92.

³ Benson Jackson J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography*. New York: Viking, 1984. P. 491.

⁴ Репрезентативная подборка материалов американской прессы находится в РГАЛИ: Дискуссия по поводу романа Стейнбека «Луна заходит» (апрель 1942 г.), дискуссионные статьи в американской прессе о романе Джона Стейнбека «Луна заходит» (май 1942 г.). РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070.

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 105.

⁶ Там же. Л. 129.

⁷ Там же. Л. 106.

⁸ Там же. Л. 124.

⁹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 34.

¹⁰ Об этом Стейнбек писал своему другу Уэбстеру Ф. Стрпту: «Странно, пьеса идет в переполненных залах, несмотря на критику» [Steinbeck: *A Life in Letters*. P. 245].

¹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 61.

¹² К примеру, в отчете Иностранной комиссии Союза советских писателей и редакции журнала «Интернациональная литература» от 19 июня 1942 г. «О новой книге Джона Стейнбека "Луна заходит", написанной по материалу рецензии «Нью-Йорк таймс бук ревью» (8.03.42), подчеркнуты многие фразы, в которых, по всей видимости, референт по США Н. Каммонская находит близкие себе мысли, например: «У них нет времени, чтобы как-либо измениться. Они целиком раскрываются перед читателем. И все же в этих пределах видишь все, что делают нацисты, стремясь покорить Европу, и как побежденная Европа борется с ними. Все это понимаешь безо всяких лишних уговоров и доказательств» [О новой книге Джона Стейнбека

«Луна заходит». РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1069. Л. 19].

¹³ Стейнбек Дж. Луна зашла // Огонек. № 2—11. 1943.

¹⁴ Стейнбек Дж. Луна зашла // Знамя. № 5—6. 1943. С. 34—97.

¹⁵ Coers D. V. Introduction to The Moon Is Down // Steinbeck J. The Moon is Down. New York. Penguin, 1995.

¹⁶ Книпович Е. Новая книга Стейнбека // Знамя. № 5—6. 1943. С. 242.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Книпович Е. «Народ и история», «Новая книга Стейнбека». Рецензии. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Ед. хр. 175. Л. 34.

¹⁹ Олидор (Кайдалова) Ольга Николаевна (1913—1987) — театровед, профессор, автор книг по вопросам театра («В борьбе за сценический реализм» (1957), «Советское актерское искусство: 50—70 годы» (1982) и др.), в начале 1940-х гг. являлась заместителем начальника Главного управления театров Комитета по делам искусств при СНК СССР.

²⁰ Отзыв О.Н. Олидор в архиве отсутствует.

²¹ Храпченко Михаил Борисович (1904—1986) — специалист по истории и теории литературы, в 1939—1948 гг. — председатель Комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. Герой Социалистического Труда.

²² Росточкий Болеслав Норберт Иосифович (1912—1981) — историк театра и критик, доктор искусствоведения (1967), заведующий сектором искусства европейских социалистических стран Института истории искусств (с 1962 г.), профессор ГИТИСа (с 1967 г.). Основные работы посвящены истории советского и польского театра.

²³ Лемперт. Л. Луна зашла. Пьеса в 4-х действиях по роману Д. Стейнбека. Приложены письмо автора, отзыв о пьесе и протокол ГУРКА о разрешении постановки. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 4539. Л. 5.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 6.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 7.

²⁸ В конце отзыва Б. Росточкиго под подписью Б. Мочалина следует сделанная собственноручно запись: «В главном и существенном т. Росточкий прав» (Там же. Л. 7).

²⁹ Среди указанных критиком изменений можно выделить замену в диалоге захватчиков слова «вождь» на слово «фюрер»:

ТОНДЕР: Мне снилось, что фюрер (исправлено Б. Росточким. — Л.Ж.) сошел с ума... /Ллофт и Хунтер смеются/.

ЛОФТ: Враги, пожалуй, узнали, насколько фюрер сумасшедший! Мне нужно будет об этом написать домой. Газеты вероятно напечатают. Враг узнал, насколько фюрер — сумасшедший...» (Там же. Л. 52).

³⁰ Мелибеев Петр Петрович (1908—1985) — писатель, драматург, автор около двадцати прозаических и драматических произведений, ставившихся на сцене Ставропольского и других театров. В числе самых известных произведений — повести «Садовая, 16» (1962), «Только один спектакль» (1964), «Та далекая весна» (1969) и др.

³¹ Мелибеев П. Непокоренные. Драма в 4-х действиях, 8 картинах по роману Д. Стейнбека «Луна зашла». Машинопись с авт. правкой и визой ГУРКА о

разрешении пьесы к постановке. Приложен протокол ГУРК. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 5319. Л. 1.

³² Розов К. Долг Мэра Оурдэна. Драма в 4-х действиях по роману Д. Стейнбека «Луна зашла». Машинопись с визой ГУРКА о разрешении пьесы к постановке, приложен протокол ГУРК // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6822. Л. 1.

³³ Там же. Л. 42.

³⁴ Там же. Л. 47.

³⁵ Десять лет спустя, в октябре 1953 г. в статье «Мои короткие романы» (My Short Novels) Стейнбек ответил критикам своей книги «Луна зашла» (в первую очередь К. Фадиману и Дж. Терберу): «Война приближалась, и я написал "Луна зашла" для прославления прочности демократии. Я не мог представить, что эта книга будет осуждена. Я написал о немце как о человеке, не как о сверхчеловеке, и это было принято за снисходительность по отношению к нему. Я не мог взять в толк все это, и теперь это представляется абсурдом, когда мы знаем, что немцы — люди и, как все люди, могут ошибаться и терпеть поражения». (Цит. по: Coers D.V. John Steinbeck as Propagandist: The Moon Is Down Goes to War. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1991. P. 22).

³⁶ Ирошников А. Луна зашла. Сценическая композиция в 3-х картинах по роману Д. Стейнбека. Машинопись с авт. правкой. Приложен протокол ГУРК // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 3287. Л. 2.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ Там же.

³⁹ Бородин А. Мужики завоевывают липкую бумагу. Драматический этюд по повести Д. Стейнбека «Луна зашла». Машинопись с авторской правкой. Приложен протокол ГУРК. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 880. Л. 3.

⁴⁰ Там же. Л. 1.

⁴¹ Бородин А. Побежденные побеждают. Драма в 4-х действиях по повести Д. Стейнбека «Луна зашла». Машинопись с визой ГУРКА о разрешении. Приложен протокол ГУРК и заявление автора. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 883. Л. 2.

⁴² Стейнбек Дж. Луна зашла // Стейнбек Дж. Неведомому Богу; Луна зашла М.: Рекламно-компьютерное агентство газеты «Труд», 2000. С. 349.

⁴³ Бородин А. Побежденные побеждают. Л. 89.

⁴⁴ См. например: «Проект мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды по Союзу советских писателей» от 1.04.1949 // Фонд Александра Яковлева. Документ № 138. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69597>

⁴⁵ Прут И. Господин мэра. Инсценировка в четырех действиях, шести картинах по повести Д. Стейнбека «Луна зашла». РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 6565. Л. 1.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 7а.

⁴⁸ Там же. Л. 45.

⁴⁹ Джон Стейнбек требует открытия второго фронта. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 1.

⁵⁰ Стейнбек Дж. Русский дневник. М.: Мысль, 1989. С. 11.

⁵¹ Пашкина Н. Жаров на сцене // Жаров М. Мои встречи с временем и людьми. М.: АСТ-Пресс. 2006. С. 318.